

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

СЛИШКОМ
РАННИЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Слишком ранние

Аннотация

«Уважаемый Иван Сергеевич! Наше знакомство было кратко; со времени последнего свиданья прошло столько дней и месяцев, что вас может удивить мое письмо. Но видите ли: когда весной, во Флоренции, перед вашим отъездом я отдавала вам том Тютчева, я забыла в книге записку, не важную, – но которая мне потом понадобилась. Не перешлете ли вы мне ее? Я просила Марту Герц написать вам об этом, но она, верно, забыла. У нее столько печалей и бед. Вы, конечно, знаете, что она вернулась во Флоренцию, что уроки пения ей нейдут на лад, что она потеряла веру в себя, в свои способности... Ей больше чем когда-либо нужны друзья, которые бы утешили и поддержали ее...»

Содержание

Письмо I	4
Письмо II	7
Письмо III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

Слишком ранние

*Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.*

Д. Мережковский

Письмо I

*Nice.*¹

Ивану Сергеевичу К.

2-14 ноября, СПб. 1899 г.

Уважаемый Иван Сергеевич! Наше знакомство было краткое; со времени последнего свиданья прошло столько дней и месяцев, что вас может удивить мое письмо. Но видите ли: когда весной, во Флоренции, перед вашим отъездом я отдавала вам том Тютчева, я забыла в книге записку, не важную, – но которая мне потом понадобилась. Не перешлете ли вы мне ее? Я просила Марту Герц написать вам об этом, но она, верно, забыла. У нее столько печалей и бед. Вы, ко-

---

¹ Ницца (*фр.*).

нечно, знаете, что она вернулась во Флоренцию, что уроки пения ей нейдут на лад, что она потеряла веру в себя, в свои способности... Ей больше чем когда-либо нужны друзья, которые бы утешили и поддержали ее.

Неужели можно быть «разочарованным» – живя во Флоренции? Какой она мне кажется далекой и милой, Флоренция, здесь, в коричневой мгле Петербурга! Помните, вечером, с балкона Марты – ряд огней полукруглой набережной, отраженных в темнеющей, мутной воде Арно? Мой тихий и быстрый Арно, как я его любила!

Вы устроились в Ницце? Не нравится мне этот суетливый, праздничный город, слишком светлый, откровенно яркий.

До свидания, Иван Сергеевич. Не забудьте же переслать мне клочок бумажки из вашего Тютчева. Кланяйтесь Элиму Элимовичу, если он с вами. Я его часто вспоминаю. Помните, он рассказывал, как был когда-то декадентом? Носил подсолнечник в петлице, восторгался Малларме и так вас напугал, что вы до сих пор (до сих пор!) боитесь декадентства, видите его там, где его нет, и, наверно, в минуты отчаяния, с ужасом отыскиваете и в себе признаки декаданса. А мне тогда жалко было Элима Элимовича: что ему делать, когда декадент сделался невозможным, немодным? Тогда было хоть занятие, хоть кличка... а теперь он просто, без клички, скучает, томится, и нет ему никакого оправдания, никакого ореола. Очень его жалею.

Всего хорошего.

Мария Т.

Р. С. Кстати, о Тютчеве: ведь вы его не любите тоже, пожалуй, из-за этого вашего страха декадентства. Помните, как вас напугало его стихотворение: «Вот тихоструйно, тиховойно... дымно-легко...». Дымно-легко! Декадент! А не кажется вам, что Тютчеву «все можно», потому что между его душой и его смелыми словами есть неизвестная, но ясная гармония? И, напротив, никогда, ничего нельзя тем, у кого этой гармонии нет? Декадент – в общеупотребительном смысле – это слово, звук. Если есть или были такие декаденты, – их не боятся, о них даже не говорят. Будем говорить о смелости и робости.

Какое длинное письмо! Еще раз до свидания.

Письмо II

Марии Николаевне Т.

в СПб.

1-13 ноября 1899 г.

К несказанному огорчению, не могу исполнить вашей просьбы, Мария Николаевна. Уезжая из Флоренции, я оставил книгу Тютчева в гостинице. Я написал об этом м-м Герц, когда она просила меня от вашего имени возвратить записку, – но м-м Герц, по-видимому, забыла вам это передать. Я опечален, что доставил вам неприятность, – но радуюсь бесконечно случаю, который позволяет мне побеседовать с вами.

Я знал вас раньше, чем увидел. М-м Герц часто и много рассказывала мне о вас. Когда я нынче весной, во Флоренции, увидел вас – я вас узнал, как знакомую. Я сразу понял, что мое представление – сама действительность. Цельную, трагичную натуру м-м Герц влечет к вам; и она права – самые сложные и противоречивые душевные состояния вам доступны, вы с полуслова понимаете чужие, неумело и сбивчиво выраженные настроения.

Я не забуду наших с вами споров о современности, о Боттичелли, о фресках Беато Анжелико. Я несколько чужд живописи. Мне всегда казалось, что она слишком существует, слишком определена:

Rien de plus cher que la chanson grise
Ou l'Indecis au Precis se joint.²

Живопись дает то, что уже есть в природе; а музыка и поэзия вносят в природу новые, человеком созданные начала.

Так я думал. Но вы изменили многое во мне. И вы дали мне смелость признаваться в этих изменениях. Я не любил «слишком существующего». И это во мне пугало меня. Но вы заставили меня... хотеть любить и существующее. Только «хотеть»? – Видите, я опять робок. Опять боюсь. Все равно Флоренция будет эпохой в моей душевной жизни. «Une station de psychotherapie»³, по выражению Барреса.

Может быть, мое письмо слишком длинно? Но если б вы знали, как мне нужно, именно нужно, хотя бы письменно, возобновить наши флорентийские споры. А наш разговор на площади перед пизанским собором, помните? Когда Элим с м-м Герц поднимались на башню? Мы сели в тени, на мраморных ступенях Baptisterio; собор был прямо против нас; на рядах бесчисленных колоннок лежал такой теплый, рыжий свет; яркие пятна зелени горели около ослепительно белого камня, и временами, когда затихал стук молотков – у ограды работали – казалось, что эти строения – сказочные, не

---

² Нет ничего дороже, чем веселая песня, // Где сомнительное присоединяется к ясному (*фр.*).

³ «Психотерапевтический курорт» (*фр.*).

настоящие, что они вдруг исчезнут, как очарованные замки.

Вы меня спросили тогда о м-м Герц. Помните? Почему именно тогда, в этой долине радостной смерти?

Я чувствую – пора кончать письмо... Сегодня льет дождь, четыре высокие кипариса угрюмо колыхаются перед моими окнами. Да, я хорошо устроился благодаря Элиму. Ведь бывшие «декаденты» очень практичны. Он рекомендовал меня своему родственнику, старому князю Б., у которого я состою не то секретарем, не то компаньоном. Я должен был принять предложение князя, если желал сохранить надежду быть свободным следующую зиму, опять слушать лекции в Мюнхене. Я был с князем в России, в его имении; в Москве повидался с отцом – и вот теперь снова здесь, за исполнением секретарских обязанностей.

Вы готовы пожалеть меня, вы уже ясно представили меня пишущим глупости под диктовку князя-самодура... Я сам себя жалел первое время. А теперь – знаете – моя работа начинает мне нравиться. Мемуары князя, которыми он занят, конечно, вздор, но я ради этих мемуаров роюсь постоянно в старых книгах, документах, письмах... И это удивительно успокаивает. Вообще, история – самая успокоительная и отвлеченная вещь. Мне нравится даже то, что подчас работа моя – совсем механическая. Это дает утомление, равное лучшему отдыху. И то, что отдых законен – ибо нельзя же мне было отказаться от этого места, физически нельзя, – делает его для меня еще слаще. Мемуары князя вздор... как знать?

Во всяком случае, у меня есть уверенность, что тут я полезен и нужен, а останься я в Мюнхене... Ну, я заговорился о себе и так говорю, точно вы меня знаете. Да вы меня и знаете. Около меня нет никого, не с кем сказать слова. Порадуйте меня, ответьте на это письмо. Напишите о себе. Подвинулась ли картина? Окончите ли ее к выставке? Я думаю иногда о вашей жизни, о вашей полной независимости, свободе, одиночестве. Хорошо ли, не страшно ли жить так, даже без иллюзий любви к живому существу, от живого существа к себе? Простите, ведь я ничего не знаю, я так говорю. Простите, не наказывайте меня молчанием.

Преданный вам

Иван К.

P. S. О Тютчеве вы правы. Да, я его боюсь. Ну, не будем говорить о тех декадентах, которые до сих пор были и есть, о «так называемых» декадентах. Но ведь есть же декаданс настоящий, – и он все-таки яд. Прелесть этого пленительного яда я понимаю – и тем он для меня опасней. Я чувствую, будущность в руках людей с сильными желаниями, с яркими, ясными порывами, – а не этих, отравленных утонченным скептицизмом декадентов. Я сам принадлежу к поколению, от-крывшему Тютчева, Баратынского, которых до нас не знал и не ценил никто. Они мне дороги и близки. Но во мне, я знаю, нет той гармонии, о которой вы писали, благодаря которой Тютчеву – «все можно». А ведь Тютчев нравится и людям, которые уже не думают и все дальше и дальше

забираются в нездоровые области мелко извращенных ощущений. И они тоже уверены, что им «все можно»!

Письмо III

Ивану Сергеевичу К.

Декабрь 1-13, 1899 г.

Друг мой, я рада писать вам. Я рада говорить с вами и о вас, и о себе, и о других... и о самых отвлеченных вещах. Говоря об отвлеченных вещах – ведь тоже говоришь о себе, и наоборот. Во Флоренции наши споры были очень отвлеченны, а вот помогли нам узнать немного друг друга. Но будем и прямо говорить о себе. Люди еще не поняли, что правда тем и выше всякой лжи и всякого молчания, что она – всегда пленительна. Правда гениальна, а ложь, даже хорошая, – более середина. Молчание или умолчание – тоже середина.

Я знаю, знаю, что говорить всю правду бесконечно трудно, и даже не потому трудно, что хитришь или не смеешь, а потому, что ее почти невозможно выразить. Когда величайшим усилием воли уже победишь и трусость, и обманное самолюбие – останавливаешься перед этой... почти невозможностью. Какие слова для правды? Как найти форму для того, что есть в душе? Ведь тут уже творчество! Сознав это – опять можно струсить: куда нам творчество! Но все равно, будем пытаться. В какой-либо иной переписке нет смысла, она не нужна мне, да и вам не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.